

венно, совершенно оставляем в стороне анализ сложного действия пространного русского эпоса. Нет никаких точек соприкосновения между «легендой» Гавличка и повествованием Хераскова о двух убитых варяжских христианах, о любви Владимира к христианской девушке Версоне, невесте Законеста, о двух старых братьях Пламиде и Идолеме, первый из которых был языческим жрецом, а второй — христианином. Совершенно чужд был Гавличку сказочно-аллегорический мотив волшебного светильника, данного Идолемом Владимиру, который отправляется в далекий путь на поиски истины (в духе представлений масонов-розенкрейцеров в России во времена Екатерины II). Содержание большинства частей, начиная с шестой песни второго издания, посвящено у Хераскова приключениям и походам Владимира в поисках истины, его борьбе с соблазнами. Все это было очень далеко от интересов молодого чешского сатирика.

Тем не менее бесполезно обратить внимание на некоторые факты. Будучи в Москве, Гавличек много читал из русской литературы; едва ли мимо его внимания прошли и произведения Хераскова, одного из наиболее выдающихся русских поэтов допушкинской поры. Кроме того, первые два тома «Эпических творений» М. Хераскова, содержащие в числе других и его «Россиаду», и «Владимира», в 1796 г. появились и в Праге и после 1818 г. хранились в фондах библиотеки Национального музея.⁷ Таким образом, Гавличек мог познакомиться с ними даже еще до своего отъезда в Россию. Ант. Яр. Пухмайер перевел оду Хераскова «О божественном величии», которую как образец гимновой поэзии поместил в своей «Словесности» и Й. Юнгман. Итак, имя Михаила Хераскова было наверняка известно Гавличку.

Знал ли он и его поэму о Владимире? Если принять как гипотезу, что Гавличек читал ее, то можно сделать несколько небезынтересных выводов в отношении «Крещения св. Владимира». По своему содержанию чешская сатира отвечает только первым пяти песням русской поэмы. Отсюда можно сделать заключение, что дальнейшие события из жизни Владимира, как их представил Херасков, совершенно не заинтересовали Гавличка и не удержались в его памяти.

Гавличек сам признавался, что мысль «сделать царя Владимира предметом шутливой поэмы» пришла к нему, когда он изучал в Москве русскую историю. Поэма Хераскова могла его прямо спровоцировать на такой шаг. До этой только границы и простирается наша гипотеза о том, что Гавличек знал поэму Хераскова еще до того, как начал писать свою «легенду из русской истории». Теперь снова можно перейти на твердую почву литературных фактов.

⁷ Knihovna Nár. múzea, sign. 76 A 46, с подписью: «Z Petrova, dne 25 Mája 1796» и печатью на титульном листе.